

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ¹

У.Х. Гамильтон

Перевод И.В. Розмаинского

Введение

Объяснение «институционального подхода» к экономической теории является аргументацией в поддержку теории особого типа. Можно прийти к одному и тому же объекту, отталкиваясь от разных точек зрения; но чаще те, кто идут разными путями, наталкиваются на разные результаты. Несомненно, «институциональный подход» заслуживает внимания, поскольку представляет собой удачный путь к желанной истине, но его значимость определяется тем, что это — единственная дорога к правильному варианту теории. Обращение к «институциональной экономике» не предполагает критику истинности или ценности других разделов экономической мысли; но оно отвергает притязания другого образа мышления называться «экономической теорией». Однако подобная апелляция не является бесцельной борьбой в области метода, борьбой, которая ведется посредством разбиения силлогизмов на понятия и вовлечения в полемику относительно тонкостей формулировок. Напротив, она охватывает саму суть проблем, которые теоретику следует ставить перед собой; ее реальная тематика охватывает то, на что направлена вся экономическая теория.

Природа экономической мысли

Формулируемый здесь тезис заключается в том, что «институциональная экономика» является «экономической теорией». Данный тезис означает приписывание конкретного смысла слову, имеющему множество значений. Во-первых, существует неразбериха в отношении границ экономических исследований; они застопорились там, где соображения логики могли бы способствовать их продвижению, и были «заблокированы» нерешительностью и противоречивостью целей. Каталогизировать темы, к которым применимо определение «экономический», — значит опровергать точные научные определения, заключенные в книгах; открыть экономическую теорию, согласующуюся с этими многообразными формулировками, — означает растворить эту теорию в многоцветной реальности. В общем, конкретные темы, такие как деньги, логистика и бухгалтерский учет, оказались выведены за рамки «общей экономической науки». В рамках последней были разработаны две системы доктрин, претендующих на звание «экономической теории». Одна из них главным образом связана с происхождением и проявлениями ценности. Она представлена такими трактатами, как «Теория ценности» Смарта, «Позитивная теория капитала» Бем-Баверка и «Распределение богатства» Кларка. В сфере интереса другой системы доктрин находятся обычаи и соглашения или, если хотите, установки, которые определяют природу нашей экономической системы. Она представлена в классической экономической науке Смитом в его описании меркантилизма, Уэйтели [Whately], когда он обсуждает, как конкуренция организует промышленную деятельность, и Миллем, когда он излагает отношение государства к индустрии. Типичные примеры из современной экономической науки — предложенное Кэннэном [Cannan] описание функции собственности

¹ Впервые опубликовано: Hamilton Walton H. The Institutional Approach to Economic Theory // American Economic Review. 1919. V. 9. № 1. P. 309–318.

для экономической организации, проведенное Вебленом исследование зависимости богатства от машинной технологии, а также выполненный Гобсоном анализ связи трудовой деятельности с благосостоянием в современных технических условиях. В «пространстве» между этими двумя доктринами находится проблематика того, что является собственно экономической теорией.

Институциональная экономика и экономическая теория ценности имеют много общего. Можно утверждать, что у истоков обеих — труды ранних экономистов-классиков. Обе возникли как побочные продукты игры человеческого ума с практическими проблемами общественного благополучия. Обе снабжают материалами, которые можно принять во внимание при рассмотрении вопросов, имеющих отношение к практике. Приверженцы каждой из них настаивают на том, что их задача носит позитивный характер и состоит в сборе материалов и формулировке принципов. Однако фактическое изложение обеих испорчено тем, что адекватные идеи перемешаны с неадекватными. Только в последние годы теория ценности избавилась от формальной связи с принципом *laissez faire*, и теперь даже наиболее позитивные ее утверждения опираются на такие термины, как «полезность» и «производительность», а также на формулировки принципов относительно пригодности господствующих установок. Как и институциональная экономика, при изложении элементов, формирующих экономическую систему, она выносит суждения по их поводу. Данные доктрины не отличаются ни обоснованностью притязаний на соответствующую преемственность, ни претензиями на объективные научные формулировки, ни попытками абстрагироваться от этических суждений. Скорее их различие — в их представлениях о природе экономического порядка.

Претензиями экономической теории ценности на звание «экономической теории» пренебрегать нелегко. В обыденной речи она признается за «экономическую теорию». Здесь у нас нет возможности изложить главу из истории экономической науки, в которой было бы подробно рассказано, как две соперничающие системы боролись за доминирующее положение над классической доктриной. Аналогично, у нас нет возможности предоставить столь же интересное описание того, как, по мере постепенного отхода от старой системы, наследие институциональной теории было растрчено, а теория ценности стала традицией. Достаточно отметить, что все ее положения строились вокруг «ценности», которая является самым важным понятием в науке. Она обладает престижем старой системы доктрин и при этом является самой утонченной, самой общей и самой разработанной системой идей в экономической теории. Тем не менее ее претензии нужно отвергнуть. Ее заслуги связаны с неспособностью признать сложность отношений, охватывающих связь человеческого благосостояния с промышленным производством. По мере того как наше представление об экономическом порядке расширялось и усложнялось, теория ценности возводила все более серьезные ограничения своей проблематики. В настоящее время все ее усилия направлены на объяснение природы экономической ценности и форм дохода, в которых она выражается. Следующие из нее выводы о разновидности индустриального общества, в котором мы живем, являются косвенными. Они появляются только потому, что теория ценности вытекает из классической доктрины организации промышленности на основе принципа свободной конкуренции. Если не считать таких несущественных утверждений, то эта теория представляет собой специализированный предмет исследований, обладающий небольшим правом на звание «экономической теории», подобно теории денег или теории бухгалтерского учета.

«Институциональная экономика» сама по себе удовлетворяет спрос на обобщенное описание экономического порядка. Она претендует на объяснение природы и рамок порядка, который имеет место среди экономических феноменов, или тех явлений, которые охватывают связь промышленной деятельности и человеческого благополучия. Говоря словами Эдварда Кэннэна, она пытается рассказать, «почему все из нас так же зажиточны, как и мы», и «почему одним из нас лучше, чем другим». Объяснение этих проблем нельзя представить должным образом в виде формул, разъясняющих процессы, посред-

ством которых цены появляются на рынке. Сфера поисков данной теории должна простирается за пределы продаж и покупок, к фундаментальным свойствам экономической системы, благодаря которым данные аспекты имеют место при одних условиях и отсутствуют при других условиях. Ее разработка не может быть прекращена, если не исследованы соглашения, обычаи, образ мышления и виды деятельности, формирующие систему установок, которую мы называем «экономическим порядком». Она должна изучать в их взаимосвязи институты, совокупность которых образует организацию современного индустриального общества.

Характеристика институциональной экономики

Аргументация в поддержку институциональной экономики требует сведения вышеприведенного определения к перечню подробностей. Однако здесь мы не будем пытаться сделать это. Вместо этого мы представим — с целью принятия, оценки или отвержения — список из пяти критериев, которым должна удовлетворить любая система доктрин, претендующая на то, чтобы являться экономической теорией. Мы полагаем, что институциональная экономика сама по себе может удовлетворить этим критериям.

1. *Экономическая теория должна унифицировать экономическую науку.* Задача общей системы теорий в рамках любого предмета состоит в том, чтобы придать единство ее исследованиям. В настоящее время экономическая наука сильно нуждается в таком унифицирующем факторе. Ее расплывающиеся границы простираются от теории ценности, через деньги, налогообложение и транспортировку, к умению продавать, страхованию и рекламе. Каждая из этих тем имеет свой собственный «фронт работы», свой собственный метод и свой собственный «персонал». Те, кто пытаются найти истину в этих отдаленных областях исследования, мало знают и еще меньше интересуются теорией ценности. С учетом всех ограничений неоклассической теории, каждый из этих предметов имеет тенденцию развивать изолированную систему идей. В результате сегодня наблюдается тенденция распада экономической науки на множество пересекающихся, но не связанных друг с другом исследовательских областей, и утрате единства, являвшегося в прошлом источником ее силы. В механике определения ценности не заключено магической силы, которая свела бы вместе столь различающиеся элементы. Только институциональная экономика может выполнить эту задачу. Описывая экономическую организацию в общем, она проясняет тот тип индустриального мира, в рамках которого имеют свое бытие такие особые феномены, как деньги, страхование и корпоративные финансы. Она показывает их природу, отмечая роли, которые они играют в этом большом целом. Ее утверждения, всегда предварительные по характеру и постоянно обогащаемые разработками в конкретных областях, являются, по сути, исходным пунктом таких специализированных исследований.

2. *Экономическая теория должна иметь прямое отношение к современной проблеме регулирования.* Ученые, занимающиеся экономической наукой, должны тратить свои усилия на предметы, заслуживающие исследований. Если бы обучение было бы всего лишь поиском гипотетической истины, то определенную значимость вполне могла бы представлять разработка принципов, управляющих экономической жизнью пещерных людей, обитателей Марса или острова, на котором обитает Крузо. Но экономистов мало, время является редким и поэтому ценным ресурсом, и важные для исследования предметы появляются быстрее, чем их можно постичь. Задачей экономической науки не является вынесение суждений по поводу практических предложений. Но, вполне в соответствии с ее научным характером, она может беспристрастно собирать факты и формулировать принципы, необходимые для разумного подхода к решению таких проблем. Подобная «уместность» всегда отличала экономическую науку в периоды ее наиболее плодотворного развития. Так, для Адама Смита исходным пунктом была связь экономической организации с национальным богатством;

принципы Рикардо являются результатом его озабоченности спорами по поводу денежного обращения и слитков драгоценных металлов; а лучшие идеи австрийской школы выросли на почве опровержения марксистского социализма.

Если институциональная экономика характеризуется «уместностью», которой нет у неоклассической теории, то причина этого состоит в том, что проблематика науки изменилась. Ранняя классическая экономическая наука была сформулирована людьми, которые пытались устранить искусственные ограничения в сфере промышленности. Принцип *laissez faire* был формальной и явной частью их утверждений. Они стремились продемонстрировать преимущества индустриальной системы, сформировавшейся произвольным образом для удовлетворения личных материальных интересов индивидов. Они трактовали систему соглашений, в реальности формирующую общественное устройство, как часть неизменного материального мира. Поскольку неоклассическая доктрина стала традицией, формально защита принципа *laissez faire* прекратилась, хотя неявно до сих пор сохраняется в терминах и формулировках высказываемых суждений. Формально она описывает механический способ, посредством которого величины ценности товаров и распределяемых долей участия появляются на рынке. Но она не касается организации этого рынка, природы трансакций, которые там осуществляются, или менее непосредственных фактов распределения возможностей, собственности и досуга, на которых покоится размер этих долей участия. Ее возможности, связанные с объяснением, не охватывают аспекты, подлежащие регулированию.

Изменения в сфере проблематики и общий спрос на регулирование сделал институциональную экономику «уместной». Такие перемены произошли частично благодаря открытию того факта, что институты представляют собой социальные установки, способные к изменениям, а не застывшее природное явление, частично из-за осознания того, что деятельность, когда-то, очевидно, являвшаяся добровольной, регулируется неявными правилами и привычным образом мышления, и частично из-за ощущения дурного тона, оставшегося у нас от принципа *laissez faire*. Но раз это произошло, то существует спрос на экономическую науку, имеющую прямое отношение к проблемам регулирования.

3. «Собственным» предметом экономической теории являются институты. Требование, согласно которому экономическая теория должна иметь отношение к институтам, неявно присутствует в аргументации, обосновывающей ее «уместность». Если необходима ее адекватность для решения проблемы регулирования, то она должна быть связана с изменяемыми элементами жизни и факторами, через которые ими следует управлять. Такие элементы жизни и управляющие факторы идентичны институтам. Регулирование осуществляется посредством модификации установок, формирующих нашу систему экономической жизни таким образом, который позволяет лучше удовлетворить наши потребности и прихоти. Итак, регулирование осуществляется с помощью особых средств, находящихся в нашем распоряжении.

Регулирование конкретных аспектов экономической жизни требует знания конкретных институтов. Если бы некто собрался разумным образом решать проблему инфляции, то он должен был бы понять финансовые аспекты организации общества. К ним относятся ценовая система, уровень цен, роль кредита в индустриальной системе и связь единицы, измеряющей денежные величины, с поддержанием экономического порядка. Если бы некто захотел понять корпоративные проблемы, то ему нужно было бы изучить специфические характеристики этой формы бизнеса, различные механизмы, совместно формирующие ее устройство, и место, которое она занимает в индустриальном обществе. И если бы некто захотел вынести суждение по поводу какого-либо из многочисленных проектов, направленных на такое изменение порядка вещей, при котором одни из нас смогли бы получать больше денег, а другие меньше, то он должен был бы узнать связь аспектов, которые ему хотелось бы изменить, с распределением дохода. Недостаточно утверждать, вслед за неоклассиками, что кто-то получает ценность своих услуг на рынке. Ведь если объекты, подлежащие регулиро-

ванию, претерпят изменения, то он все так же будет получать ценность своих услуг, но при этом, возможно, присваиваемая сумма окажется другой. Вдобавок, исследователю следует изучать соглашения, связанные с конкуренцией, контрактами, собственностью, наследством, распределением возможностей, которые фактически определяют величину доходов.

Похожим образом регулирование развития индустриального общества обусловлено знанием совокупности соглашений и установок, которые его формируют. Основа материального богатства в машинном производстве, система естественных прав, еще присущих правовой системе, разбиение всей промышленной сферы на множество специализированных и взаимозависимых задач, появление усложненного механизма ведения бизнеса, «вбивающего клин» между богатством и благосостоянием, концентрация полномочий управления в руках индустриальной иерархии, система механизмов, известная как система заработной платы, являющаяся средством, при помощи которого рабочий устанавливает связь с промышленной сферой, — эти и сотни прочих подобных им вещей должны быть изучены тем, кто хотел бы управлять индустриальным развитием или, если бы он был экономистом-теоретиком, отслеживать его.

4. *Экономическая теория связана с содержанием процессов.* Если задача экономической теории — изучение институтов, то она должна знать, какой тип явлений представляет собой институт, а какие — нет. Теория ценности трактует явления так, как если бы они были физически совершенными, независимыми, неизменяемыми субстанциями. Единственные изменения, которые ею допускаются, являются количественными. В начале рассмотрения какой-либо из ее проблем существует определенная ситуация; потом возникает «возмущение»; затем следует ряд действий и контрдействий, продолжающихся до тех пор, пока не возвратится нормальное состояние или не восстановится равновесие. Посредством добавления или вычитания единиц из комбинации или путем комбинирования уравнений удастся так выразить формулы, что экономические величины можно свести к денежным единицам.

Такая методика была вполне заслуженно названа «экономической статикой». За последние годы признание того факта, что такой анализ проливает свет лишь на ограниченное количество проблем, привел к спросу на «экономическую динамику». Это, однако, послужило лишь расширению старого анализа за счет увеличения числа подлежащих рассмотрению факторов в попытках понять проблемы. Оба метода одинаково имеют дело с физически разными вещами; оба одинаково сводят свои проблемы к механическим формулам; оба одинаково обнаруживают решения в равновесиях и количествах.

Но с предметом экономической теории нельзя обращаться каким-либо подобным образом. Конкуренция, собственность, ценовая структура, система заработной платы и подобные институты утрачивают определенное содержание. С ними происходят разные события, но, помимо этого, и внутри них случаются изменения. Принят новый закон или судебное решение, объявлена война, изменились общераспространенные привычки мышления, и вот, оказано воздействие на содержание прав собственности. Повышение спроса на труд, отказ руководства страны разрешить забастовки, обеспечение признания профсоюзного движения, установление заработной платы на базе стоимости жизни, и вот, стала другой система заработной платы. Изменяясь и в отношении к другим вещам, и неявно внутри самих себя, каждый из этих институтов находится в процессе развития. И если это верно в отношении конкретных институтов, то это также верно в отношении комплекса институтов, которые совместно формируют экономический порядок. Нам постоянно нужно помнить, что при исследовании организации экономической деятельности в общем, равно как и в частности, мы имеем дело с единым целым, которое находится в процессе развития.

Для описания этого метода часто применяются термины «исторический» и «генетический». Первый из них, вследствие ассоциаций, которые часто вызывает слово история, особенно неадекватен. Он означает отчет о событиях, которые произошли с предметом обсуждения на протяжении определенного периода времени. Его акцент

является ошибочным, поскольку опирается на случайные факты прошлых ассоциаций, а не на сущностную природу современной реальности. Если это правильно понято, то термин «генетический» намного лучше. Но не следует допускать, чтобы он содержал намеки на оторванный от реальности, неинтересный и неуместный поиск «основ». Термин должен означать то, что это слово так четко предполагает: вещь находится в «становлении». Используемое таким образом слово «генетический» указывает не на исторический отчет, а на метод анализа. Он учитывает прошлый опыт, только принимая во внимание конечный результат и постольку, поскольку необходимо объяснить, что представляет собой вещь в ее становлении. Экономическая система, которая столь непостижима и непонятна для нас, — не столько интересный набор реальных вещей, сколько возбуждающее любопытство направление тенденций. Многие из них движутся медленно, а некоторые кажутся неизменными. До сих пор весь сложный феномен, называемый нами современным индустриализмом, существовал в человеческой истории в течение очень короткого периода времени. Если регулирование должно осуществиться, то это не произойдет посредством принятия то здесь, то там случайных мер. Оно должно реализовываться через изменение природы или функций институтов, формирующих систему нашей экономической жизни. Настаивая на том, что такие вещи следует трактовать генетически или как процесс, мы утверждаем не более чем следующее: они являются предметом сознательного регулирования.

5. *Экономическая теория должна быть основана на приемлемой теории человеческого поведения.* Как-никак, регулирование, институты и процессы — вещи, происходящие непосредственно здесь и сейчас [immediate]. Все они могут быть переведены в термины человеческого поведения. Осуществление регулирования требует человеческой деятельности и оставляет свой знак на измененной деятельности других людей. Институты, кажущиеся такими жесткими и материальными вещами, представляют собой всего лишь конвенциональные методы поведения различных групп или лиц в различных ситуациях. Изменения, выявляемые процессами, представляют собой всего лишь изменения в человеческих действиях. Поэтому необходимо, чтобы истоки экономической теории находились в приемлемой теории человеческого поведения.

В прошлом в экономической науке успешно было применялась теория поведения в соответствии с общепринятым образом мышления данной эпохи. Неблагоприятный же аспект состоял в том, что эта теория принималась неосознанно на основе здравого смысла тех времен, а не выводилась путем тщательного наблюдения и анализа. Это привело к желанию сохранять ее как часть традиционной доктрины в течение долгого периода после того, как она перестала иметь значение для тех, кто смотрел на нее слишком критически. Ни в одном из своих разделов неоклассическая экономическая теория так сильно не похожа на систему доктрин, на основе которых она возникла, как в своей теории индивида, который знает альтернативы, с которыми сталкивается, и ищет свою собственную, максимальную, материальную выгоду, измеренную в денежных единицах. Единственное, что экономист добавил к этой теории, когда он заимствовал ее у лиц, занимавшихся этикой, — трактовка денежного выражения личного интереса в виде части человеческой природы. Крайний индивидуализм, рациональность и утилитаризм, которые вдохновляли мыслителей восемнадцатого века, все еще находят выражение в неоклассической экономической теории.

Вместо нее следует использовать теорию мотивов, которая соответствует заключениям современной социальной психологии. Старая теория поведения представляла в личном интересе, в лучшем случае, не более чем общую формулу. Нужно пересмотреть ее, чтобы обнаружить конкретные влияния, вдохновляющие поведение индивидов. В лучшем случае, она трактовала всю деятельность в качестве результата сознательных усилий индивидов, которые досконально знали, в чем состоит их личный интерес даже в среде, такой же сложной, как и наша, и непреклонно стремились его удовлетворить. Она не представляла достаточных объяснений, поскольку личный интерес — не простая вещь, которую можно легко распознать, а большой «набор» конфликтующих ценностей, набор, в котором находятся в разно-

гласии настоящее и будущее. Она предполагала, что каждое суждение могло бы быть основано на реально существующих фактах и сделано беспристрастно. Она была не в состоянии отметить, что моя и ваша жизнь являются непрерывным событием, и что мои сегодняшние действия ограничивают мои завтрашние действия. Она упускала из виду роль, которую инстинкты и импульсы играют в том, чтобы привести в движение экономическую деятельность индивида. И самое важное соображение: она пренебрегала влиянием, которое оказывала на поведение индивида система институтов, при которых он живет и должен стремиться к своей выгоде. Там, где она терпит фиаско, институциональная экономика должна добиться успеха. Она должна обнаружить истоки экономической деятельности в инстинктах, импульсах и других особенностях человеческой природы. Она должна признать, что экономика препятствует удовлетворению всевозможных инстинктов и дает много пищи для размышлений. Она должна распознать в разнообразии институциональных ситуаций, с которыми сталкиваются индивиды, основной источник различий в содержании их поведения. И она должна учитывать ограничения, наложенные прошлой деятельностью на гибкость, с которой тот или иной индивид может действовать в будущем.

Заключение

Характеристики, которые были проанализированы, представляют приблизительный набросок аргументов в поддержку институциональной теории. Все они требуют объяснений, уточнений и иллюстраций. Другой приверженец, несомненно, выбрал бы другие характеристики, такие как основополагающая концепция общества, его свобода от утилитаристских предубеждений, соответствие современным тенденциям в этике, психологии и политике, а также уверенность, покоящаяся на научном изучении фактов. Но подобные вещи неявно присутствуют в данном описании, которое является типичным, а не исчерпывающим.

Нужно быть готовым признать, что, подобно аспектам, которые были изложены, институциональная теория находится в процессе. Но она противопоставляет достижениям неоклассической теории нечто большее, чем одни обещания. В различных областях существует многое, что можно вписать в теорию институциональной организации индустриального общества. Смит, Милль, Уэйтели и другие классики дали нам много материала, который, с определенными модификациями, можно использовать. Работы неоклассиков, даже таких, как Кларк и фон Визер, не лишены интересных идей. У английских классиков, Маршалла, Пигу, Чэпмэна, есть материал для нас. Ведь в Англии экономисты старших поколений никогда не теряли общего контекста, из которого заимствовали австрийские и американские теоретики полезности. Работы социалистов, особенно Маркса и Ла Салле, если абстрагироваться от их приложения к планам реформ, содержат много здравых рассуждений. В последние годы английская «школа благосостояния», особенно в лице Уэбба, Гобсона, Кэннэна, Тоуни и Клэя, — хотя они и были авторами, рассматривавшими столь разные проблемы и на основе столь разных подходов, но их можно сгруппировать вместе из-за объединяющего их отхода от неоклассического анализа, — сделала значительный вклад и заложила основы формального изложения теории экономического порядка. Американские мыслители значительно отстали, поскольку усилия, которые в Англии приняли конструктивный характер, были затрачены на критику неоклассической доктрины. Тем не менее, Г.С. Эдамс, Кули, Веблен и Митчелл, если упомянуть только лидеров, сделали значительный вклад в понимание нашей системы. Не должны мы забывать и о непрофессиональных экономистах. В быстро развивающемся обществе, таком как наше, обучение в школах имеет тенденцию становиться формальным и схоластическим. Оно требует обновления за счет мыслителей, чьи идеи возникают на основе новых попыток решения существующих проблем. Можно упомянуть вклад Грэхема Уоллеса как один из примеров того, что надлежит предлагать непрофессиональным экономистам.

Тем не менее, после того как будут собраны воедино все эти разработки, сомнительно, что в этот момент окажется возможным дать общее описание экономического порядка. Может потребоваться десять лет или больше для того, чтобы процесс проб и ошибок привел к относительно согласованной системе идей. И даже после этого ей не будет хватать ясности, точности и четкой сформулированности, характерных для неоклассической теории. Ее соотносительность с реальностью, неспособность обосновать систему идей на базе нескольких предпосылок, необходимость отражать меняющуюся экономическую жизнь одинаково замедляют ее развитие и мешают ей стать формальной системой законов и принципов. Она должна обнаружить в адекватности и истинности замену формальной четкости утверждений.

Будущее институциональной теории является неопределенным. История экономической науки указывает на то, что выживание часто зависело от того, насколько доктрина соответствовала привычкам мышления своего времени. Если следующее десятилетие потребует формальной теории ценности, которая избежит дискуссий о том, чему подобен экономический порядок, институциональная экономика потерпит фиаско. Если же оно потребует понимания наших отношений с миром, в котором мы живем, то институциональная экономика выживет. Но выживанию поможет развитие теории экономического порядка, которая будет жизнеспособной, правильной и имеющей прямое отношение к проблемам своего времени.